алексей цветков

вместо послесловия

воренок

не видел он и потому не плакал
в окошке слюдяная пелена
когда на площади сажали на кол
заруцкого его опекуна

на зорьке выволакивали рано
тяжелый ворот времени вертя
трехлетнего царевича ивана
двух самозванцев общее дитя

в тулупах коченеющие сами
сквозь отороченную стужей тьму
свидание с умершими отцами
они в петле назначили ему

в кольце конвоя где она стояла
с тряпичным чучелком мослами вниз
лишь шепотом syneczku простонала
когда он с перекладины повис

а мы еще не понимая кто мы
доска судьбы от инея бела
из-под земли карабкались как гномы
на свет где перекладина была

где медленной истории водица
стекала ввысь из выколотых глаз
куда однажды суждено родиться
особо провинившимся из нас

набат проснулся вороны взлетели
из туч сверкнула черная стрела
а тельце все качается в метели
а ворот все вращается скрипя

но там за тучами в хрустальной сфере
окинув взглядом жалкое жнивье
иван-царевич на летучем звере
воды и яблок ищет для нее

пропал на шее след пеньки и мыла
последний снег ложится как смола
на землю где она сперва царила
а после вместе с нами прокляла

вещь

на черном заднике созвездия фигурны
осенней мелочью позвякивает ночь
прохожий человек вдруг достает из урны
неведомый предмет и убегает прочь

и даже если сам присутствовал при этом
молниеносен свет секунда как стрела
куда он припустил с неведомым предметом
и то ли он нашел чего искал сперва

в окне над мостовой где сбивчивая тень я
столпились версии сомнение в груди
загадочен объект его приобретенья
хоть на монтажный стол отснятое клади

хрусталика в глазу отсохни чечевица
где прежний ум сиял навеки с толку сбит
к чему бессоннице зеницы очевидца
зачем стене окно в котором мысль не спит

а в черной хляби туч десантных звезд эскадра
сигналит бедствие и медленно ко дну
с избытком знания что беженец из кадра
себе имеет вещь какую-то одну

наутро брошу все в котомку упакую
картофель соль крупу и весь остаток дней
в пути и поисках чтобы понять какую
он в урне вещь нашел и что он сделал с ней

острова

император наш огнеликий ши хуанди
сорок лет ревнивое сердце носил в груди
а на сорок первый в недугах врача виня
бросил заживо тиграм и звать приказал меня
я к стопам и ни жив ни мертв а он говорит
что к бессмертию путь непрост и тропа не та
гематит и золото киноварь и нефрит
он вкушал как советовал съеденный все тщета
что уже невозвратный дух норовит в полет
и гремит барабан и печаль цисяньцинь поет

собери говорит мой простертый торс оглядев
столько сотен юношей сколько и сотен дев
донесла до наших ушей говорит молва
что за морем бессмертные спрятаны острова
на одном из которых века обитает тот
чья нетленна плоть и алмаза тверже скелет
за мгновение он человеческий держит год
припади к стопам и вымоли нам секрет
снаряжай порезвей караван кораблей и в путь
ну а мы покуда опять наляжем на ртуть

поступил как велели и вечность стала ясна
с той поры как нетленный нам явь отделил от сна
а жестокому ши чтобы сердце разбить верней
мы вернули с отказом обманный корабль теней
дескать за морем только туман а спасенья ноль
и последняя жизнь растаяла в нем как воск
только известь теперь он уголь один и соль
командир терракотовых из подземелья войск
до скончания света недвижен последний полк
барабан прохудился и цисяньцинь умолк

вот уж третья с тех пор накатила тысяча лет
никакого в бессмертии цвета и вкуса нет
ни единой ощупи в нем ни вершка длины
даже тени смертных из вечности не видны
сквозь стеклянный воздух не полыхнет мотылек
терракотовый полк до костей пробрала зима
и земля в которую гибкий мой торс не лег
не дождавшись его постепенно мертва сама
где блуждает с посохом дух переживший мир
озирая вверху караван перелетных дыр

* * *

пустого места ноль на коже
от бородавок и бород
уму непостижимо все же
как жалок в старости народ

напрасно нас родят по новой
похожих но уже не тех
для бестолочи тел белковой
ее иллюзий и утех

а если роботов допустим
на смену сочинят умы
до фени наш восторг и грусть им
поскольку роботы не мы

любой из нас лишь брешь в когорте
гиббонов братских и горилл
мы в полной заднице не спорьте
нас в бездну дарвин заманил

уж не гулять с гармонью в поле
не мять подругу на лугу
вот прямо здесь заройте что ли
раз шевелиться не могу

вертись избушка задом к быту
отринь соблазн его и гнет
и добрый робот r2d2
слезинку ржавую смахнет

* * *

там на утесе голом
как древний троглодит
поэт под трамадолом
обдолбанный сидит

несутся вдаль эпохи
вода внизу тепла
и в общем-то неплохи
поэтовы дела

невзгод житейских бури
и ужасы войны
его священной дури
развеять не вольны

сидит себе толково
вещам вникая в суть
в нем гений как подкова
троим не разогнуть

сидит и чешет брюхо
в нирване с двух колёс
невиданного духа
обдолбанный колос

* * *

жизнь не имеет продолжения
в ней некуда сойти с ума
и выходом из положения
она является сама

забиться скромно за диванами
от зол присутствие тая
в трехмерный угол с медианами
в координаты бытия

уединиться ради пущего
в себе сознания тщеты
и ну гадать о смысле сущего
в которое запущен ты

гоним двуногими и гадкими
в ком совесть неуместна вся
они придут своими тапками
метлу смертельную неся

весь мозг прозрениями редкими
битком на звездном языке
пока не всмятку вслед за предками
в сортирном цинковом совке

с той стороны

где памяти оголена основа
стоп-кадрами с заиленного дна
реликтовые лица выпускного
плюс девочка на лестнице одна

в чье одиночество помехой впасть я
не рисковал дверным стеклом скрипя
она там пела про возможность счастья
советское смешное для себя

какое-нибудь про тайгу и подвиг
угар высоковольтного труда
и я без непременных мыслей подлых
поверил что вот ей быть может да

она была толста печать печали
на юности хотя в семье уют
но толстых мы в тот день не замечали
ну разве вдруг когда они поют

я вышел в зал а после взял и вырос
но счастье подать временем берет
и скоро анатомия на вынос
истертыми подошвами вперед

но вдруг стоишь перед порталом ада
в орбитах слизь и рот предсмертный сух
на лестнице из никуда в не надо
где эта песня девочкина вслух

как жутко неожиданно и мило
но невозвратна времени стрела
и нечем вспомнить что с ней дальше было
на лестнице с той стороны стекла

24ºC

наступит весна и не знаю
навозные мухи окрест
в осиннике кроткого заю
волчара позорный доест
припустит народ в огороды
внезапным либидо горя
поднимутся в воздух вороны
и станут порхать почем зря

пусть грозы и воздух озонов
изнежили нас как котят
когда-нибудь смену сезонов
в небесном депо прекратят
кипучую эту химеру
однажды как снимет рукой
в апрель приземлишься к примеру
но нету весны никакой

вселенная бьет мимо цели
в редеющих звездных кострах
где раньше мы зайчиков ели
поднимется пламя и прах
руины в мазуте и саже
разболтанный дизель в груди
и крылышек-стеклышек даже
не будет от мухи поди

беззубо жуешь чечевицу
суставы артритом свело
но жалко до слез очевидцу
однажды лишиться всего
пускай словно кванты вороны
хоть вторник настань хоть среда
в сиянье полярной короны
порхают туда и сюда

* * *

я был всевозможный писатель
рифмованных строф и эссе
читательских душ воспитатель
чтоб льнули к прекрасному все

для вас непростые потомки
ростки из бесформенных груд
бросал семена из котомки
на ваш невозделанный грунт

вся в ссадинах шкура за годы
от мысленных пней и коряг
мне груз непосильной заботы
всю голову перенапряг

все путаней сверстников свора
в ней проблески смысла редки
нутром постигаю что скоро
подамся и сам в дураки

уйду я наверное к этим
к медведкам к неясытям к детям
негодным к борьбе и труду
вот вещи сложу и уйду

присяду в носу ковыряя
на склон где пустая вода
беглянка сгоревшего края
стекает как мы в никуда

кормление кота

при виде нищего щенка
глаза отводишь грустно
и вмиг от жалости щека
соленой речки русло

порой раздавишь муравья
наощупь в спецодежде
его найдя и жизнь твоя
уже не та что прежде

она из дыма и камней
хоть в световых полосках
и с каждым днем все больше в ней
голодных или плоских

уму хоть вон из кожи лезь
события случайны
порой мерещится что здесь
ни истины ни тайны

однако истина проста
мы до нее охочи
как человек кормить кота
встающий среди ночи

в трусах обвисших налегке
идет впотьмах икая
и банка с вискасом в руке
коробочка такая

закрой глаза и ты внутри
а ночью даже хуже
но веки тряпочкой протри
и ты опять снаружи

проходит жизнь минует год
ясней порталы ада
но если сыт хотя бы кот
то истины не надо

lux aeterna

когда они нас убивали
и тьма по бетону текла
которой они омывали
для доступа к небу тела

на каждого в паспорте виза
у них проступала за нас
под радужный свод парадиза
где им начисляли баланс

сперва они нас отпускали
сливая наш сурик в ручьи
потом мы лежали кусками
не помня которые чьи

транзитный терпел и неместный
сойдясь на прощальный привал
откуда отец наш небесный
своих постепенно прибрал

на суд к беспристрастной астрее
сочтя скоротечные дни
мы падали вдвое быстрее
чем нас убивали они

подобно остывшему слитку
остаток сознания гас
в нечаянный вторник навскидку
земля отдохнула от нас

но мы прорастали как злаки
как стебли свекольной ботвы
сквозь землю где наши собаки
и кошки еще не мертвы

после ветра

под потолком паук в подполье мышь
свет на нуле из вычисленных лишь
скитальцы сумрака в своем домене
лес осмелев гурьбой в дверной пролом
и голова над письменным столом
с графой о государственной измене

вниз меж стволов наощупь где река
в ней форма рыб реликтовых редка
их древний дрейф к предсказанному входу
в час нереста стерильная икра
спасибо что вода еще мокра
сам сослепу не опознал бы воду

сквозь фосфор звезд она едва видна
здесь угадай дунай или двина
ориентир на дух прибрежной свалки
ботинок без супруга труп русалки
худые в нашем русле времена

ты нынче ночью лодка ты баркас
снесенный прочь от человечьих глаз
рассыпанных с их непосильной грустью
в траве попарно словно васильки
отсюда ноль названья у реки
рейс выполнен пора спускаться к устью

вода все ближе к звездным небесам
всем поровну кто остается сам
мышам мышьяк а паукам пиретрум
сквозь тленный дух полей и липкий ил
баркас в котором если кто и был
гребцом практически рассеян ветром

* * *

все башку изноравливал прочь
постепенному змею
но кругом начинается ночь
и теперь не успею

за подсчетом чего учинил
наступили кошмары
словно в синее море чернил
напустили кальмары

на посту где осталась верста
в истекающих сутках
спохватись как нехватка остра
совершенных поступков

сам застыл спотыкаясь на дне
рыбьи лица зверины
с роковым плавником на спине
силуэт субмарины

заслонит как сквозь сучья сова
от последнего света
неуспетое неуспева
емое вот все это

контрпример

жесткие атомы необходимости
носят внутри себя все
в каждом коне образец лошадиности
стержень собачества в псе

крылышки кошке хуйня получается
или селедке седло
даже лобковая вошь отличается
от остального всего

тянется в самую древнюю грецию
разница смыслов и рыл
там старина аристотель эссенцию
в каждой субстанции вскрыл

но ничего кроме имени-отчества
у человека увы
он гражданин своего одиночества
строго внутри головы

возражение

о чем ты ползешь терпеливый инсект
по темной вечерней дороге
презрев утешения культов и сект
членистые мучая ноги
четыре передние задние две
с антеннами на голове

загадки природы тревожат меня
мигающей квантовым светом
затем и бежал я из отчего пня
понять что откуда и где там
о тайне упрятанной в медном тазу
пожитки собрал и ползу

но ты невысокого роста и слаб
без веры и средств к обороне
что стало бы с нами со всеми когда б
мы все поползли по дороге
твой путь незадачливый темен и тих
никто не дополз из живых

участливый встречный прощай и прости
глашатай семьи и наживы
хоть правую среднюю стер до кости
твои возражения лживы
и сам ты ума не нажив ни на грош
от потной работы умрешь

над пыльной дорогой сгущается тьма
загадкой пульсируя вредной
ползет существо небольшого ума
к неведомой утвари медной
бестрепетно из-под сведенных бровей
глядит на нее муравей

формула счастья

то кафка нас изобличит то гашек
и прочие художники пера
мы состоим из множества букашек
как из отверстий черная дыра
и каждую свое несчастье гложет
у всякой сепаратная беда
или дыра не состоит быть может
из ничего но мы ведь точно да
в пейзаже изловчившись еле-еле
везде руины сажа и мазут
как уцелеть в материальном теле
когда букашки в сторону ползут

сидит вселенная в своем платочке
и пусть глаза лучистые добры
личинки тьмы как маленькие дочки
от черной расползаются дыры
возьму бумаги небольшой листочек
и разъяснить всегда любому рад
что прописное е без верхних точек
как ни верти равно эм це квадрат
судьбе до фени что у нас за горе
она с косой за всяким по пятам
а с точками читаем на заборе
хотя они опущены и там

* * *

когда в окне учуял ночь я
на раме в ужасе вися
она не рассыпалась в клочья
а целиком клубилась вся

в земле ходы медведки рыли
кротам и так во тьме видней
и путешествовали рыбы
предшественницы наших дней

жизнь как морщинистая жаба
междоусобной жертвой драк
на пне пока река лежала
и отражала верхний мрак

чей ил вся бестолочь и гадость
пожива памяти потом
а ночь навстречу продвигалась
как цеппелин вертя винтом

скажи прощай всему что было
что неминуемо прошло
и заживо казалось мило
а нынче пошло и смешно

лишь облачный метнется всадник
колчанным светочем даря
уже пустой картонный задник
настенного календаря

* * *

мы в порту под звездным небом
сквозь стаканы взгляд нетверд
умный бармен чертит мелом
перекличку дуг и хорд
журавли квадрантом к югу
пожилая в жилах дрожь
мы любовь свою друг другу
не открыли ни на грош
на обочине нистагма
ось магнитная видна
там в ладонях тлеет магма
но погаснет и она

слон в солонке суп и сало
доедали как могли
прежде сердце отказало
чем попятило мозги
из музея холокоста
покемоны на заре
на судьбе с утра короста
под коростой сразу две
постучится ночь кометой
хвост у ящера дугой
боль ему с любовью этой
если не было другой

вспыхнем искренние рядом
станиолевой листвой
чтоб с моим кромешным адом
завязал беседу твой
прекратится свод небесный
перестанет время течь
шторм уляжется железный
на зубах не скрипнет речь
сном в базальтовой аллее
смерти черная длина
говорят любовь сильнее
но погаснет и она

конец прогулки

внедрение времени в трюм корабля
апреля тринадцатое февраля
в мозгу озорные неврозы
подставишь сусала под солнечный гнет
с обочины неба луна подмигнет
как висельник мудрый с березы

то в зоне обзора береза то ель
а время под нами буравит тоннель
и пробует корни на верность
хоть с детства в окрестности грусть горевал
не сунуться заживо в тот ареал
где прянет оно на поверхность

проступят созвездий слепые плевки
но времени не с кем играть в поддавки
апрель февралю не подмога
у ангела в галстуке горн под рукой
а с тем кто обрел на березе покой
у путника ноль диалога

угрозами в парке пестреет кора
что в строй у ворот с променада пора
и сердце свой срок отдрожало
последнему солнцу столетие вслед
свое острие выпускает на свет
свое невозможное жало

дежурный по номеру

под утро ум зашкаливал за разум
в зеницах совесть плавилась когда
я был в тургайской нови свежим глазом
в полегшие руинами года
за хлябью прежних волг или дунаев
досюда помню через нехочу
в алма-ате динмухамед кунаев
жал руку леониду ильичу
и на катушке из печатной ленты
стаканом тассу делая салют
я в гранках заменял аплодисменты
уже беспрекословным все встают

ад простирался сразу за порогом
где бритый глобус бредом веселя
на выжженном боку его пологом
стояла пыль столбом до есиля
где вохры бодрые на зорких вышках
о скорой без понятия судьбе
будили в непроспавшихся мальчишках
мечту с винтовкой вырасти себе
там око негасимое следило
снимая ночи истонченный слой
багровое имперское светило
сжигало купол над жанадалой

и по сей день скрижаль непогрешима
короткая дистанция плевка
когда мне от тургая до ишима
вселенная мерцала велика
жизнь обернулось миражом и лажей
и глаз несвеж и мудрости урон
вот сложены линейки метранпажей
мы все встаем и ходу на кедрон
как трогательно над обрывом тонок
под магменную музыку огня
оглянется отважный мертвежонок
на все что было жизнью у меня

* * *

урон серебряного слитка
с орбиты в каменистый двор
приходит ночь антисемитка
и нет мессии до сих пор

хоть оснасти самсунгом ухо
раз невооруженным врешь
вонми как в промежутке глухо
когда кончается терпеж

мы тут в азарт впадали раньше
на тему кто из нас осел
и утварью порожней в раже
стучали истово об стол

обул и гоя и еврея
любую живность в их лице
кто из иллюзий вил нам время
веревкой об одном конце

в прожорливом жерле колодца
невелика ее длина
но как на вороте ни вьется
а не найдется ни хрена

луна и полночь в жирной саже
жилец другому не еврей
уже и не мессия даже
судебный пристав у дверей

горе

простелено прошлое как полотно
нас семеро было а горе одно

но все же четырнадцать прочных плечей
и груз расчлененный на части ничей

меж редким досугом и адом труда
совместное горе друзьям не беда

привычен полынный настой на спирту
лишь изредка черная горечь во рту

потом под небесным навесом тугим
мы прочь пропадали один за другим

сперва сократилось число до шести
и ношу уже тяжелее нести

второй постепенно исчез за бугром
и нас придавило сильней впятером

все уже дорога все круче уклон
а прошлое скатано в плотный рулон

мы были друг другу светлы как стекло
но каждого горе со света свело

зареваны бабы орет мужичье
их горе застигло неведомо чье

мы все всемером отшагали давно
но вышедшим вслед уготована месть
ты спросишь вот это и было оно
вот это отвечу и есть

кулинарная элегия

мир намеренно таков
для комфорта едоков
в поле дождь накрыл кого-то
щей потоп или компота
в небесах порхают птицы
для доставки пиццы

с дрейфом в сторону вреда
никому не в корм еда
вязнут в холодце копыта
тише голос аппетита
патиссон простой под водку
не пролазит в глотку

нынче путь пролег в места
где не нужно живота
зря губа в слюне отвисла
в шницеле все меньше смысла
больше челюсть не при деле
мы свое отъели

покидает кухни пыл
мир не тот который был
где шныряли малышами
с манной кашей за ушами
в мрачном супе клецки тонут
жаль десерт не тронут

* * *

в последнее лето он был недоволен собой
но жил по инерции словно его не касалось
по краю обрыва маршрут как беспечный слепой
срезал потому что последним оно не казалось

а зори над озером плавились как никогда
и россыпи искр из воды пассажирами ветра
шеренги ворон пригибали к земле провода
чтоб в тысячи вольт уязвить истощенные недра

из этих ворон этих засухой траченых трав
чертеж бытия словно пазл составляя по сплетням
он стал бы умней свой последний сезон опознав
но жил как попало его не считая последним

пройдя наизусть из аллей своего городка
в ландшафт изувеченный шрамами шахт или штолен
ему и не снилось в те дни как в обрез коротка
прогулка по краю того кем он был недоволен

ни взгляда назад где разлука смывала с холста
разверстку событий раз временна или случайна
где мысль запиравшая выход из мозга проста
как бритва оккама и вся онтология куайна

природу несло под уклон в переливах жары
склоняя скупые подробности к дрейфу и юзу
и сущность вещей громыхала о стол как шары
где всякий в свою с обозначенным номером лузу

скифы

кто колдовал над первым элементом
плюя от семок шкурками в костер
а после satem отделил от kentum
и степь до горизонта распростер

тот нам доверил ловлю ветра в поле
порой в запрудах водится уха
мы соль земли мы эти скифы что ли
нам воду отключило жкх

с тех пор по суше носит как цунами
буренку сзади на буксирный жгут
и наши бабы каменные с нами
ваш страшный суд легко переживут

на все вопросы надо быть ответом
навоз из дюз в реакторе овес
раз гунном возомнил себя отпетым
и интегралам кобчики разнес

нам не ломать мозги над их задачей
степной скиталец в алгебре не лих
а то что так и нет воды горячей
то наши вши проворней чем у них

есть лакомые дни пусть и нечасто
фашист в борще с топленым дегтем чай
из всех сокровищ здесь одно начальство
но чудное хоть экспорт учиняй

ваш гордый ддт от нас не средство
премудрым смыслом нам не угрожай
мы сберегли отцовское наследство
ушат дождя и ветра урожай

маршрут

ремень с надгрызом пыльное окно
все железнодорожным узам свято
нальешь в стаканы если у кого
закусишь крякнув чем в дорогу взято
цыпленок вскинется и был таков
в вещественном обмене едоков

глотай из тамбура окрестный вид
походный флирт с гражданкой затевая
там постулат что партия рулит
внизу коза обгрызла путевая
она в трудах ударных не одна
большая все-таки была страна

там в голове у крайнего в углу
который я с поправкой на полвека
есть мнение что если не умру
за поворотом распрямится ветка
судьбы и пулей соскользнет герой
с орбиты на космической второй

лишь юности обузу одолей
навстречу годы понесутся сами
с платформы тетки трудовых полей
с картошкой напролом и огурцами
сквозь пыль окна где различил себя
который спит и корчится сопя

мы прибыли конечная хана
как все кустарно склепано однако
с иксами станционная стена
тяжелый грунт без овоща и злака
вольер панельный с дырами квартир
и общий в тощем садике сортир

отсюда рельсы дальше не велят
на сером куполе столетний иней
здесь реют души наши и цыплят
незримые над ледяной пустыней
слабеет слово цепенеет прыть
ни бунт поднять ни в партию вступить

конец истории

со временем когда оно из нас
повыбьет гелий водород и литий
в пустое место и межзвездный газ
сведет к нулю реальность всех событий

от взгляда в опрокинутый проем
ошпарит горло немота и рвота
недолговечен космос и в твоем
теперь свободна должность геродота

что проку покидать галикарнасс
куда маршрута выстелена лента
когда любой из нерожденных нас
в истории лишен ангажемента

покуда мир до стержня не продрог
и логосу не пролегла преграда
все возникало в нем в урочный срок
храм артемиды и алтарь пергама

но чуть всплеснули эллины веслом
в сердцах борея происки ругая
и вот уже вселенная на слом
а нам не предусмотрена другая

кругом до блеска матрицы отмыты
нейронные разведены мосты
и квантовые кубиты и биты
от бесполезной памяти чисты

* * *

когда зодиак перечислит года
припомнится бывшим народам
как им разрешали дышать иногда
порой и вообще кислородом

цеха с шестернями где пращур полег
пакгаузы в пасмурной саже
где многим из нас выдавали паек
кому-то и досыта даже

селили гуртом в тупиках городских
со скарбом своим и мышами
но больше любили конечно таких
которые меньше мешали

и память как в арктике пегой трава
жива в вымирающих видах
о том как иные имели права
на вдох а другие на выдох

о высвеченной из беды полосе
как миска для пса а не палка
какими мы были послушными все
и как нас наверное жалко

* * *

на банкете возлежа
время нерабочее
пригласили мы ежа
спеть сплясать и прочее

умных мыслей ни на грош
плюс тоска вечерняя
в эту пору даже еж
гож для развлечения

спели б сами но скажу
голоса не очень ведь
и решили что ежу
наступила очередь

но не стал дрянной зверек
петь за наши рублики
и коварно пренебрег
любопытством публики

так вот значит и лежи
в горе незаслуженном
если брезгуют ежи
нашим дружным ужином

конец савельева

савельев был начальник маяка
по винтовой уже с изрядным пузом
из птичьего парного молока
бил масло и сбывал его медузам

ему небес не застила листва
чай не зоолог лебедь или лев там
менял себе местами вещества
на фосфор фтор и жил своим гешефтом

он там привык гнездиться над водой
имел ушат для плотских нужд и душа
на суше был однажды молодой
узнав от рыб что существует суша

но там ему не выпал интерес
набор камней в пространстве просто остров
зачем земля смотрителю небес
и пастырю зодиакальных монстров

полез однажды развести огонь
закат по бортовому ровно в девять
и вдруг увидел звезды сквозь ладонь
хоть и не понял лев там или лебедь

он телом стал среди небесных тел
в прошитой искрами кромешной жиже
взглянул из фонаря и обалдел
все выше небо а вода все ниже

в проломе звезд как бы стеклянный дед
насквозь рентгеновский из тонких перьев
сказал ему что завтра смены нет
ступай ложись кранты тебе савельев

и ясно что не нужно больше лезть
по жухлым доскам в сердце фейерверка
дед объяснил вот это смерть и есть
раз больше низ не отличить от верха

кто там в голубоглазой вышине
уже в разводах кровеносной сетки
в ночную смену вспомнит обо мне
все выдумка спокойной ночи детки

naming and necessity

если зонд погрузить глубоко
этажами в минувшее чтобы
там на третьем валерка хрипко
поступивший с горшка в долбоебы

развлекал несусветной пургой
аж вся личность под кепкой болела
со второго валерка другой
нас ведь всех тогда звали валера

не берусь описать как они
не в скупые же втискивать строки
коротали дальнейшие дни
отбывая казенные сроки

утром школа к потемкам кровать
вспоминать до оскомины кисло
по-другому детей называть
не имело в той местности смысла

сквозь гриппозный туман из окна
с ухажорами к осени строже
словно ангел сочилась одна
но валера наверное тоже

над самим как в роддоме лежал
в воскресенье покуда не съеду
занесли было этот кинжал
но удар нанесли по соседу

но отсюда без разницы нам
персонажей в космической драме
различают не по именам
а по биркам потом с номерами

* * *

небесный кораблик сигналы зажег
в гирляндах ночной водоем
окрестные крысы столпились в кружок
тихонько попеть о своем

неведомый такт отбивают хвосты
в пейзаже руин и колонн
слова их и ноты предельно просты
и даже не каждая в тон

поют грызуны о добре и о зле
зубастым работая ртом
о том как мы жили на нашей земле
и что с нами стало потом

а в черной воде утопают огни
сомкнулась над светом вода
откуда так тщательно помнят они
что было меж нами тогда

до боли родные за тысячу лет
в оврагах вокруг ебеня
как жаль что в живых тебя все-таки нет
взглянуть если нет и меня

совиный ансамбль подпоет вдалеке
взметнется крысиный хорал
случайный младенец в людском теремке
со страху портки обмарал

а звезды все сыпятся сослепу вниз
и месяц скрипит в колее
под музыку визга под пение крыс
душераздирающее

пятое января

еще вождям не вынесло мозги
парсуны сквозь буран гуськом висят их
и шастают по пустырям москвы
советские коты семидесятых

вот недоросль таким и я бы мог
влюблен с порога не меняя галса
когда стихи еще сбивали с ног
и от восторга рот не закрывался

в чьем объективе комната светла
в год провидения в мой срок отъезда
горизонталь накрытого стола
покуда полночь в небесах отвесна

и надо чтобы с прежними одна
сумела словно точка узловая
втесниться в фокус справа от окна
мой предотъездный сон не узнавая

но жизни предначертанной тайком
на световые годы впрок напортив
в канун волхвов под звездным колпаком
где угораздило сидеть напротив

уйми меня я что-нибудь навру
меж верстовыми высвечен стволами
потерянный пока течет во рву
вода в которой память растворяли

увенчанные встречей вечера
пока не тронутые порчей лица
не ведают на что обречена
в подземный морок вмятая столица

есть атавизмы посильней чем ты
мысль в старости стремительнее тела
отсюда лица нежные желты
и челюсть словно роща поредела

и вот теперь когда коты мертвы
то есть вожди но и коты туда же
искрят снегами пустыри москвы
под тучами в тысячелетней саже

мы возвратим пространству имена
которые нам наобум давали
неповторима память и нема
лишь речь во рту но и она едва ли

никто

столбы в каннелюрах столетние щели
черкни и заветное втиснуть недолго
молитва начальнику виолончели
петиция конунгу верхнего конго
коль скоро нас в эту реальность родили
мы с детства сюда пресмыкнуться ходили

ни взгляда на землю ни отклика с неба
леса сведены и сомнения тяжки
похоже что мы тут последняя смена
толпимся сжимая в ладошках бумажки
под клекот курантов клыкасты и буры
от крови скребут в облаках каннелюры

редеют фотоны над зубчатым краем
сочится судьба из щербатого блюдца
привычная местность где мы умираем
а наши молитвы в стене остаются
и в ней каменеют а камни крошатся
никто не торопится в дело вмешаться

как будто

там погреб например и мы его открыли
недобрая рука подбросила ключи
лавины плесени и кубометры пыли
столетний обморок хоть в нем сычом кричи

всей опрометью вон метнулся из угла я
секундам счет пока здесь мозг не занемог
пространство треснуло и лестница гнилая
как бесполезный сон в труху у самых ног

нас лижет полынья беспрекословной ночи
проси любой оброк но света не верну
старайся по стене обламывая ногти
пока она с другой смыкается вверху

и вроде наш с тобой и вроде рыли сами
наощупь стеллажи с закрутками во мгле
до страшного суда давиться огурцами
жаль зубы не глаза и резкость на нуле

чем жест отчаянней тем тьма кругом упруга
уже не выдохнешь внутри она твоя
мы впаяны в нее и смотрим друг на друга
как будто это ты как будто это я

наставление потемкам

когда остыл песок и свет погас
здесь никого не нужно после нас

когда в кайфын вломился субэдэй
они там ели жареных людей

делили крови свернутой удой
и сетовали если кто худой

столетий восемь рысью словно год
и нам в освенцим отворили вход

где точно черви в банке старики
чьи не по росту шкуры велики

но жизнь уроком нажитым горда
с великой клятвой больше никогда

на сребреницу и пном-пень забьем
они в чужом краю а не в твоем

или шрапнель в мозги и в ноздри газ
алеппо да но ведь в последний раз

в скелетах местность в колотом стекле
чья кровь теперь чье мясо на столе

забудь нас космос весь иссякни след
песок ссыпайте погасите свет

* * *

например наступит завтра
нынче ждать уже недолго
где отыщешь стегозавра
как окликнешь мастодонта

и кому они мешали
что за зло творили людям
жить останемся с мышами
или сами ими будем

в мезозойскую эпоху
предавались сну и сексу
море кайфа диплодоку
и тираннозавру рексу

нас самих призвать к ответу
есть инстанция едва ли
ах какую мы планету
без остатка проебали

всех сметёт времён лавина
кто красив и ростом выше
вот и мамонтов не видно
в крупном выигрыше мыши

гадание у речки

посреди безутешной зимы
испаряются в небо умы
без понятий о верхе и низе
существо оставляют свое
кто на скрипке вовсю в парадизе
кто в аду отдуваться за все

нам ведь что обещали они
в небе радуга в бездне огни
вот и время финальной проверки
по заслугам кому и вине
не попутал бы бес фейерверки
а пока доедай оливье

окажись я допустим в раю
всю до корки псалтирь отпою
или кирши данилова корпус
по плечу этим праведным ртам
есть надежда в какой-нибудь конкурс
исполнителей втиснуться там

но скорее в привычном аду
эту вечность как все проведу
где роями как черные свечки
за альцгеймером вечной реки
реют брейгелевы человечки
присобачив к подметкам коньки

лишь бы вместе и было всегда
даже если стемнел как слюда
изувеченный легкими воздух
и бесхитростен мозг как телок
жарь смычок в перечеркнутых звездах
закипай смоляной котелок

утро сатрапа

он взял мухобойку и вышел во двор
отер пестрядиной чело
шершавые коршуны прядали с гор
в сомнении где бы чего
неспешные мыши вертели хвостом
из недр извлекая еду
покуда стоял он и думал о том
зачем мухобойка ему

природы похмельным умом не объять
хоть сидором будь хоть петром
он в сени рысцой и вернулся опять
с порожним латунным ведром
а был он сатрапом угодий и рощ
большой обитанья среды
где лось по весне ошивается тощ
растений взыскуя следы

навоз у забора дымился и пах
козла рассмотрел и пчелу
и дело бы вмиг закипело в руках
но было уже ни к чему
он видел отроги заоблачных круч
в курчавой древесной шерсти
и думал не нужно ли гаечный ключ
быть может еще принести

ах как же всего у него до хрена
аж чувства теплеют в груди
чем жив человек если выпить вина
и мыши туда же гляди
на голову гадили галки крича
мозги выбивало в астрал
он понял тогда что не надо ключа
и молча приборы собрал

порнография

ночь созвездия грузила
лава склоны жгла дотла
я сказал давай друзилла
и друзилла мне дала

мигом сбрил смертельный ветер
кроны пиниям вверху
нет друзилла я ответил
я не то имел в виду

этот вечер невезучий
завершался не при нас
нам под занавес везувий
извержение припас

улеглась с тех пор кручина
в шкуре бархатной гора
santa что-нибудь lucia
у солиста из горла

взвей самсунгами своими
волны будущей молвы
как мы жили в древнем риме
и расстаться не могли

тлен долой с нее с меня ли
млечный путь к спине прилип
из плеяд кино снимали
в твиттер выложили клип

киностудия довженко
долю ясности внесу
l'astro в космосе d'argento
mare luccica внизу

мысли о петрове

петров был ящером в укромном месте
тому назад лет миллионов двести
блуждал неуязвимый как кощей
меж папоротников или хвощей

у нас в провинции привет и трепет
как есть весна и зяблики везде
по лужам жабий люд жужжит и терпит
нам по душе мы знаем толк в весне
мы рождены чтоб чувствами пылая
охоту пересиливать свою
вот делия или пардон аглая
с платочком над записочкой в саду

но есть еще большой запас петровых
от сущих карликов до двухметровых

все устаканится дружок не плачь
любовь не вторник но пройдет и эта
тем более что мчится словно мяч
земле навстречу нужная комета
и уж на что пастух на жесты скуп
в нем бездна чувств подобие цунами
покуда в пасти каменеет суп
и некогда в сторожку за штанами
тут зяблики взревели как берсерки
запричитал над ежиками лес
чу деликатно пискнуло в беседке
аглая отсылает смс
в смятении

но как петров непрост
он мне внезапно виден в полный рост

вот здание восточного вокзала
чья живопись над кассами скудна
мне издали акула показала
и уплыла презрительно сама
но человек не хуже рыбы мудр
проснуться вдруг в одно из этих утр
закрыть гештальт и пулей в койку снова

та-дам
я все же втиснул это слово

листая летопись

разве скоро забудешь про это
стогны питера или москвы
легкий завтрак ноль семь амаретто
в адидасах стальные мослы

о простом пареньке-неформале
без утайки о муза напой
кто от киллеров чтоб не поймали
шел на запад упорной тропой

всей лавиной наследие кармы
навалилось и нервно всплакну
чуть припомню какую и как мы
из-под носа теряли страну

как я дней быстротечных на склоне
посетил с эмигрантской тоской
отчий край и мобилою сони
потрясал россиян на тверской

там где нес осторожный инвестор
в узелке своих долларов пук
сам-то был я по-своему нестор
исторический рыцарь наук

четверть века страна отхромала
навестим это место с тобой
где утечку мозгов неформала
им поныне не смыть с мостовой

на руинах сгоревшего рая
пусть под занавес глянет на нас
свет последних диоптрий теряя
из-за туч слабовидящий глаз

зимний напев резервиста

наши мертвые не увидят того что мы например еще до конца вот этой зимы мы зарыли их как получится вкривь и вкось нам винтовок впроголодь а не то что лопат им теперь червяк проедает глаза насквозь костяные скулы а прежде был конопат прежде в драке огонь а нынче не больно лих наши мертвые нынче счастливее нас живых говорят заморский червяк не из наших мест запустили в шлемах заезжие и ушли он трансгендерный то есть трансгенный всего не съест узелок найдет и распустит кожные швы и юлишь под глиной бремя свое неся ворох жил и шинелью скатана шкура вся вот один из-под ног мы зарыли его стоймя под стопами дорога бугром где сам стою в миллионах трансгенных челюстей хрусть страна распускают швы догрызают нашу страну наши мертвые раньше были совсем как мы на раздаче рвоты с утра и тарелка тьмы кто с лопатой рой кто с ружьем выбирай огни чуть рассвет чуть забрызжет кровища и входишь в раж впереди дымится пустыня но там они позади еще гаже но щебень и пепел наш в мерзлый грунт костьми раз присяга во рту тверда потому что зима не кончается никогда штабелями пленных под ключ под конвой червей прянет правда в пустые орбиты во всей красе нам потемки светлы потому что у них черней и подземный резерв наши мертвые наши все

в плену иллюзий

в краю аналитическом своем
мы метафизики тевтонской чужды
чуть горе враз веревочкой завьем
едим еду потом справляем нужды
но в паузах меж этих нужд и грыж
как только фарой полоснет по раме
или закат на горизонте рыж
мы опрометью в погреб за баграми
к нам ужас вхож нас душит потный страх
мы ждем когда они сожгут рейхстаг

здесь на укромном выступе земли
мы трем глаза и рады спозаранок
что нас коты на свете завели
для смен песка и открыванья банок
харч в штабеля питья на годы впрок
газоны стрижены привиты дети
но к вечеру с опаской на порог
повсюду злонамеренные эти
молчат себе и только знака ждут
мы ждем пока они рейхстаг сожгут

но в бестолковой беготне родни
среди всего съедобного богатства
кто эти неизвестные они
которых мы обречены боятся
вот человек он властелин кота
чей друг и честной ветчины добытчик
но в зеркале навстречу пустота
и господи к чему нам столько спичек
в дверях сосед солярки с полведра
ну с богом говорит теперь пора

богоявление

когда я стану старенький совсем
хотя и так уж девяносто с гаком
котов любых моделей и систем
я заведу до их устройства лаком

да я и нынче внутренне готов
на склоне дней невелика наука
развесить фотографии котов
изъятые посильно из фейсбука

тогда я окончательно пойму
в мозгу запечатлею без помарок
с какой внезапной стати и кому
господь устроил этот мир в подарок

я буду прост и светел как святой
махну рукой на геморрой и грыжу
и стану любоваться красотой
какой в самом себе давно не вижу

мужайся странник жребий твой высок
в конце пути изволь считать удачей
смотреть как время сыплет свой песок
с тебя и из мешка в лоток кошачий

с бетонных крыш из хлябей ковыля
когда иссякнут зрелости этапы
воспой осанну господа хваля
его два уха и четыре лапы

он ангелов стадами шлет к тебе
на свалках или у торговых точек
горит заря шуршит песок в стекле
и яйца все уже как раз в мешочек

проводы

ведра вара вскипятят навстречу черти
прянут ангелов крылатые дружины
не от хвори умирают а от смерти
умирают потому что были живы

у последнего в слезах толпились пирса
зря учили отчего бывают дети
трижды счастлив кто на свет не появился
не пропасть ему без памяти на свете

тени с космосом сливаются слабея
прежде вместе но сегодня далеко вы
вот с брошюрками шакалю у сабвея
как последний лжесвидетель иеговы

там инструкции счастливцам после плена
схема выхода из грома и тумана
только буквы пропадают постепенно
чище мела непорочная бумага

нас забыли но и мы уже не ждем их
стелем на ночь все атласное чуть свет мы
остающиеся пьем за нерожденных
потому что нерожденные бессмертны

за чертой

расскажу вам ребята сбивайтесь в кружок
как отсюда к востоку лет двести
у меня закадычный завелся дружок
в заколдованном времениместе
чуть накатит в разлуке плесни и присядь
ведь ни в сказке сказать ни пером описать
мы зеницы не чаяли в том чудаке
поздравляли его с новосельем
где он вил себе гнездышко на чердаке
в том большом переулке кисельном

а кругом бушевала такая страна
о какой вы не слышали даже
боевой стеклотары по жабры полна
человеческой воблы на пляже
огнеперые в чащах рябин колтуны
незабвенные в мае с трибун колдуны
там девчата червям обрекали парней
а в артериях опрометь кисла
мы спирали с дружком нарезали по ней
расколдовывать не было смысла

но потом я подался в чужие края
поражаться причудам природы
словно яблоко сморщилась память моя
из которой он выпал на годы
за черту отступил заколдованный мир
где маршруты метро истирались до дыр
чередой этих призраков тщетно любим
в пузыре отчужденья упругом
я впоследствии сделался кем-то другим
а не тем кто бывал его другом

лишь небесная нынче упомнит москва
тот кисельный большой переулок
и молочные в нем иногда острова
наших общих нетрезвых прогулок
там глядят колдуны с транспарантов хитро
сквозь стеклянные линзы развалин
и хранят нерушимо руины метро
заклинания прежних названий
там он бережно жив отделенный стеной
от страны обитаемой вами и мной

* * *

из тростника она струится прочь
по жабры обнаженная как ночь
а мы то овощ на поживу тащим
то дробью с крыш сшибаем голубей
и ничего во всем происходящем
опять не понимаем хоть убей

а то из чащ немытый и худой
волшебный дед с зеленой бородой
покуда нас немыслимые орды
среди разливов отчих и болот
кровавые сдувают перья с морды
запихивая в жопу корнеплод

под занавес то строем то гурьбой
сержант выходит в крыльях и с трубой
а тут говна уверенная груда
и в воздухе от топота черно
неважно кто выходит и откуда
из жизни не выходит ничего

записка

липкое лето лени к оврагу деревья вышли
осень вздохнет не в очередь срочно все кроны прочь
оскоплены тополя осины стерильны вишни
старость это когда прекращаешь vanity search

простыни ливня просто в котором искал кого-то
прелые ребра сучьев хоть рыбы верхом хоть мы
вздрогнешь через полвека записка на дне комода
там где ее и читало чернильное око тьмы

в плеске последних дней не вспомнишь чего бояться
тело сочится в щель и небо тесней к вискам
раньше висели звезды но вот их и снял с баланса
тот кто сперва придумал а нынче вычеркнул сам

случай слезы не вышиб не насмешила шутка
скоро обрыв сюжета с рампы в глаза огни
дальше провал партера куда и деревьям жутко
считывающий датчик больше мне не звони

сутра с утра

в ту конкретную пору морозной московской ранью
я сидел в иностранке листая милиндапаньху
с разнобоем в зрачках но как ушлый эразм с пером
я похмельным синдромом в то утро страдал жестоко
а ничто согласитесь вернее святынь востока
не врачует в безденежном сердце этот синдром

лабиринт стеллажей над столами голов негусто
разве девушка в синем упорно грызшая пруста
и неведомый мне одногорбый бокштейн илья
нам космическим зондом была в те дни иностранка
мы там были одетым в броню экипажем танка
бороздящим пейзажи светящегося гнилья

семинар по марксизму в топку похмельным утром
было странно читать о древнем царе многомудром
а ответам архата мешала внимать мигрень
потому что жизнь дребезжала против природы
протоколы рвотные приступы и приводы
регулярный шквал в деканате и прочая хрень

этот блудный подросток скелет из кого я вырос
не по мерке мозги организм в саркофаг на вынос
вдоль буфета надсадно не думая про еду
в санитарной каюте стекала с фаянса хлорка
я смотрел на него невидимо из нью-йорка
и молчал не имея что рассказать ему

аполлон с постсоветской сотни бодрил квадригу
и бокштейн словно сфинкс свои лапы слагал на книгу
а которая с прустом развеивалась в мечтах
с антресолей памяти в выцветшем прошлом веке
вся планета мчалась навстречу библиотеке
на своем броненосце потемкин на трех ментах

и уже никому ничего не сказать отсюда
не к сегодняшней водке их давешняя посуда
под налипшим снегом в черных пластинах лет
даже если полсотни со счетчика щедро скинем
ни во что я теперь не верю ни в девушку в синем
ни в царей ни в махапариниббану нет

этюд к букварю

мама мыла раму
путь протерла к храму

мила ела мыло
выглядело мило

корм искала мурка
в плошке три окурка

папа спал в гостиной
принакрыт гардиной

мама рыла яму
оцените драму

кончилась получка
околела жучка

закопали папу
мурка мыла лапу

мила мыло съела
попросила мела

отравили мурку
маму взяли в дурку

выл оркестр икая
жизнь была такая